

Выпускник ВГИКа, Килибаев не сразу включился в работу над рекламой, хотя С.П. Мавроди не первый его клиент. До этого были крупные фирмы в Казахстане, которым Килибаев обеспечил успех — вся республика вдруг влюблялась в какой-нибудь банк, и он тут же с десятого места перемещался на первое. Встреча с Мавроди была случайной: режиссер искал деньги для фильма “Гонгофер”, ходил по разным банкам и всем рассказывал сюжет и идею картины. Всюду слушали, но денег не давали. Мавроди дал сразу, причем без расписки, спросив только: “Вы же не собираетесь с ними убежать?” Это все и решило: когда работа над фильмом закончилась и режиссеру было жаль распускать сдружившуюся группу, Килибаев попросил патрона еще их поддержать, а уж работу они себе найдут.

До Лени Голубкова группа провела несколько рекламных кампаний других фирм. Стиль, фразеология и интонация речи Бахыта Килибаева в интервью максимально сохранены.

— Обычно художники во всем мире гордятся своей независимостью. Тем, что вы стали работать на рекламную кампанию фирмы, которая занимается известно чем, вы всем как бы показали, сколько вы стоите. Вас эта ситуация не унижает?

— А сколько я, по-вашему, стою? Независимых художников не было и нет. Вопрос в том, насколько человек честен перед собой и другими, афиширует он эту зависимость или нет. Покажите мне хоть одного режиссера, который снимает фильмы на собственные деньги. Хорошо, я совершенно откровенно зарабатываю деньги, снимая рекламу. Но ни от кого не завишу.

— Значит ли это, что вы никогда не пожалуете о своем выборе?

— Могу пожалеть. Но я имел в виду, что отвечаю за свои поступки и дела и готов ответить на любом уровне, в любой ситуации.

— Даже перед теми обманутыми старушками, которые в одну минуту оказались разорены?

— Я готов был со своими критиками поговорить в июне, когда деньги выплачивались и мы получали тысячи писем с благодарностями. Тогда все были страшно благодарны, что нашлись люди, которые помогли им жить. Теперь ситуация изменилась. Но это не значит, что она еще раз не изменится в другую сторону.

Обычно ситуация представляется так: мошенники решили надуть миллионы людей. Но глупо тогда было этим мошенникам оставаться здесь, не удрав отсюда давным-давно.

— Вы считаете, что вкладчики АО “МММ” являются социальными аналогами ваших героев?

— Я не считаю, что реклама здесь сыграла решающую роль. Я абсолютно уверен, что определяющую роль сыграло то, что деньги довольно долго выплачивались. Это сильнее любой рекламы.

— Вы стали богатым человеком?

“Новый русский” Бахыт Килибаев

Имя кинорежиссера Бахыта Килибаева “навскидку” мало кто вспомнит — не Феллини и не Михалков в конце концов. Его фильмы для большого экрана вызвали интерес кинокритиков (“Трое”, “Женщина дня” — совместно с Александром Барановым, “Гонгофер”), но публикой остались неузнанными. Однако его, без сомнения, можно считать самым популярным режиссером в стране — во всяком случае, по количеству зрителей, ежедневно знакомящихся с его произведениями. Килибаев придумал и создал сериал про Леню Голубкова, Марину Сергеевну и прочих неунывающих акционеров павшего АО.

— Материальная жизнь моя не изменилась — в том смысле, что я не стал потреблять больше. Возможности стали шире, но... Да, конечно, были поначалу какие-то стереотипные проявления: денег больше, вроде как и тратить нужно больше. Ну и я какое-то время их тратил. А потом понял, что мне это не нужно. Появилась более привлекательная возможность: деньги — это энергия, и я вижу огромное количество людей, которые, не имея денег, топчутся по кругу и не могут выйти из этой ситуации. Это, как правило, близкие мне люди, и если у меня есть возможность, я пытаюсь им помочь.

— Если бы вы что-то узнали о Мавроди, что вас страшно бы в нем разочаровало, вы бы бросили это дело? Или задача увлекает вас настолько, что вам все равно?

— Дело в другом. У любого человека есть в жизни опасность служить не Богу, а дьяволу. Но куда большая опасность ждет человека на пути предательства. Если так вышло, я за это отвечаю. Мне есть чем ответить: собственной жизнью, репутацией.

— Отношение ваших коллег-сокурсников, других режиссеров сейчас к вам изменилось?

— Если и изменилось, то я об этом не знаю. В основном меня поздравляют и веселятся по поводу этих роликов. Мне тоже они кажутся ужасно веселыми. Я делаю что хочу и, кажется, веселю этим страну.

— Вы себя чувствуете свободным человеком?

— (пауза) Мери несвободы я сам себе определяю. В этом смысле да, я свободен. Я не делаю только того, чего не хочу делать, а не то, чего не могу или что мне запрещают.

— Вы боитесь чего-нибудь?

— Уже нет. Время страхов прошло. Я боялся смерти, смерти близких, агрессии... всего, чего может бояться человек. Теперь перестал.

— А что случилось?

— Устал просто. Я ездил с охраной, пока не понял, что все это ерунда. Я ведь достаточно здравый человек, на мой взгляд. И подумал, что реально человека держит в жизни? Инстинкт самосохранения. Почему временами люди делают подлости, ведут себя плохо, не так, как должно? Всегда ими движет инстинкт — они или боятся, или жадны сверх меры. Пиком проявления этих низменных чувств является страх смерти. Принято считать, что под страхом смерти человек может от всего отказаться. Это никто даже не осуждает. А я подумал: вдруг это такая чудовищная уловка? Может, человек рожден для смерти и в этом открывает еще какие-то пространства? Может, это все и кажется диким, но я подумал: ну и что, ну убьют... все равно рано или поздно ты умрешь. Ну не смогу детей поднять на ноги. Но я не смогу этого сделать по-человечески в любом случае. У них своя судьба. Это же иллюзия, что, если ребенка поить, кормить, водить в хорошую школу, у него все будет замечательно в жизни. Чего я хочу? Колпак над ними

непроницаемый создать, вырвать их из течения жизни? Я боюсь их смерти, вот чего. Для меня это чудовищное горе, значит, я опять же боюсь своих переживаний.

— В чем вы видите свое дальнейшее развитие?

— Я больше чем на три дня не загадываю.

— Чем вы занимаетесь, кроме рекламы?

— Решил сделать несколько телевизионных передач. Я не знаю, как люди получают эфир. Но у меня простой путь, и мне он кажется правильным: я просто сделаю несколько “пилотов” и покажу. Если сочтут интересным — пойдет, нет — не пойдет.

Передачи эти будут универсальными, своего рода инструмент для исследования действительности. Когда я думал об этом, то решил, что единственное, что я мог бы смотреть каждый день, — это новости. Но в них меня не устраивают комментарии, точка зрения конкретного человека. Телевизор — это окно в мир, и я вынужден верить тем людям, которые снимают, которые поясняют, у меня просто другого источника информации нет. Я знаю, насколько чудовищной может быть неправда. И я подумал: хорошо бы увидеть передачу, где люди говорили бы о том, что их волнует. Любому человеку, который считает, что обладает информацией, важной для миллионов, предоставляется эфир, три минуты. Он должен подготовиться и уложиться в это время.

— Была же “будка гласности”...

— Да, но там люди были случайные и вели себя поэту дико. Я мог бы часами смотреть “будку”, но там люди не знали, что хотели сказать. Из своей передачи, я уверен, узнаю, как устроен вечный двигатель, многие обстоятельства новейшей истории, которые до сих пор от меня скрыты.

— Чего вы хотите в этой жизни для себя?

— Сейчас фронт, на котором я существую, достаточно широк. Там много дел. Я хочу, чтобы все стало лучше, чтобы все узелки, все линии переплетались в узор. В детстве я понял, что все надо доводить до конца, что, как бы чудовищно плохо ни было, бросать нельзя. Надо довести до конца, просто из принципа, потому что финал может быть совсем другим, даже неожиданно успешным. Как-то в детстве я перетягивал барабан, который мне доверили мои друзья. Это был очень ценный предмет. Я не знал, как перетягивать барабаны, и никогда в жизни этим не занимался. Мне показалось, что его можно распарить. Я включил горячую воду, открыл кран... Она превратилась в маленький клочок. Меня охватило отчаяние. Но я подумал: а что если прибить один угол и натянуть? Потом натянул крест-накрест. Потом мне удалось натянуть его в других местах, я его прибил, это было некрасиво, гвозди торчали. Я лег спать. Утром проснулся — он высох, все натянулось, я гвозди вынул, барабан звучал замечательно. Это был триумф. И урок на всю жизнь. Я хочу довести до конца хотя бы то, что начал сейчас.

Елена ВЕСЕЛАЯ